

В. Онищенко

1. О проблеме самоубийства в раннесредневековой литературе

Общественная оценка самоубийства женщины является частным проявлением отношения общества к женщине и определяется как традиционно-культурными факторами, так и новыми историческими явлениями, возникающими в процессе изменения общества. При исследовании *гунки-моногатари* (“военных повестей”¹) мы заметили, что самоубийства жён воинов после смерти мужей в X-XIII веках оцениваются положительно; такие жёны названы “верными жёнами” (*рэцудзё*, или *тэйдзё*), хотя в более ранней литературе подобных оценок не отмечено. Такое изменение отношения к самоубийству женщин, несмотря на его культурологическую значимость, насколько нам известно, до сих пор не являлось темой отдельного исследования. Здесь мы рассмотрим некоторые эпизоды из ранней японской литературы и определим генеалогическую преемственность между такими эпизодами в стихотворных антологиях, хэйанских “повестях” (*моногатари*) и военных повестях.

2. Первые упоминания самоубийства и отношение к нему в японском обществе (VIII век)

Впервые самоубийство женщины описано в японских мифах, например, в «Анналах Японии» [Анналы Японии 1997] (Св. 7 “Небесный повелитель Оно-тарасипико-осиро-вакэ-но сумэра-микото. Государь Кэйко: ”):

«(Яматотакэру) решил добраться до Камитупуса, увидел море и заклятие-ктоагэ вознёс, сказав: “Это маленькое море. Через него можно перепрыгнуть [яп. пасири]”. Вот, вошёл он в море, и тут же налетела буря, так что ладья владыки не смогла двигаться по волнам. А была там среди сопровождающих принца одна девушка, [его наложница]. Звали ее Ото-татибана-пимэ. Была она дочь Осияма-но сукунэ из рода Подуми. Вот, говорит она владыке: “Поднялся сильный ветер, катятся бурные волны, и ладье владыки угрожает гибель. Причиной этого наверняка сердце бога моря [Вататуми]. Прошу тебя, позволь мне, недостойной и низкорождённой, войти в море и заменить жизнь владыки на свою”. Только она договорилась, как тут же, раздвигая волны, вошла в море. Сразу унялся свирепый ветер, и ладья смогла причалить к берегу. Потому люди того времени и нарекли то море Пасири-миду, Прыгучая Вода».

В данном случае речь идёт о жертвоприношении, совершённом с целью умиловить богов моря. Поскольку данное жертвоприношение было добровольным, формально его можно было бы отнести к самоубийству, хотя здесь очевидны те же побуждения, которые вынуждали Алкестиду отдать богам свою жизнь взамен жизни Адмета в греческом мифе о Геракле и Адмете. Насколько нам известно, мотив замещения жизни в японском мифе более не встречается; возможно, он являлся инородным, заимствованным элементом. Само собой, в приведенном выше примере поступок наложницы Яматотакэру не оценивается в качестве самоубийства как такового, а скорее воспринимается как выгодный для всех добровольный обмен.

¹ Ввиду частого употребления данного термина в наших работах, далее он используется без кавычек.

Первый японский свод законов “*Тайхо:рицурё:*” (“Уголовные и гражданские законы эры Тайхо:”), датируемый 702-718 гг., ограничивает самоубийство для монахов и монахинь:

“Монахам и монахиням не разрешается самосожжение и самоубийство. Лиц, способствующих этому, подвергать наказанию по уголовному кодексу” (*Тайхо:рицурё*, Закон VII “Буддийские монахи и монахини” Статья 27 “Самосожжение и самоубийство”, см. [Свод... 1985]).

Кроме того, самоубийство упоминается в своде и как способ почётной казни для высших чиновников и принцев:

“Если [вынесен] приговор о смертной казни, то всегда [совершать ее] на городском базаре. [Чином] седьмого ранга и выше, а также царевичам, если их преступление не является убийством родственников и тяжелее, разрешать самоубийство (*дзидзин*) в [собственном] доме. [Чинов] седьмого ранга и выше, а также женщин, если за преступление не следует отсечение головы, вешать тайно” (Закон XXIX “Уголовные дела” Статья 7 “Место казни”, там же).

Ограничение самоубийства для монашества легко объяснимо; японское государство, в тот период благоприятствовавшее распространению буддизма, в правовых документах учитывало правила, действовавшие в монашеской общине, а попытка самоубийства являлась нарушением этих правил. Так, в третьей книге “Вопросов Милинды” (гл. 4 вопрос 5) [Вопросы Милинды 1989, 199-201] Нагасена отвечает на вопрос Милинды об отношении Шакьямуни к самоубийству на примере, приведенном в Суттавибханге — комментарии к правилам для монашества: «Тогда же некий монах, мучимый половым воздержанием, забрался на гору Гридракуту и, бросившись с нее в пропасть, угодил в корзинчика и убил его. Он раскался... [Будда сказал ему]: “Проступка, влекущего исключение [из общины], здесь нет. В пропасть, монахи, бросаться не следует. Если кто бросится — это проступок [разряда] “дурное дело” (*dukkatam*)”» (цит. по [Вопросы Милинды 1989, 415]).

В VIII веке в Японии самоубийство как таковое практически не регулировалось правовыми нормами, за исключением запрета на помощь в осуществлении его монахами. Распространение буддизма тоже мало влияло на общественное отношение к самоубийству; оно вообще нечасто появляется в буддийских текстах. Е. П. Островская и В. И. Рудой [Васубандху 2001, 12] в статье, предваряющей перевод “Энциклопедии Абхидхармы”, так описывают отношение к самоубийству в буддизме: “Смерть — не более чем разрушение тела, она отнюдь не прерывает блуждание сознания, а поэтому в буддийской культуре смерть и не рассматривается как нечто в определенном смысле окончательное. Самоубийство в рамках буддийской идеологии не есть смертный грех — в таком смысловом контексте оно и не может быть чем-либо иным, кроме гносеологической нелепости, деяния, порожденного крайним невежеством. Весьма характерно, что самоубийство вообще не осуждается в связи с проблемой безнравственного поведения”.

Таким образом, правовые ограничения на самоубийство касались лишь тех, кто способствовал смерти монахов, а для мирян оно являлось способом лёгкой казни. Из этого мы можем предположить, что какой-либо значимой роли самоубийство в системе моральных норм японского общества в VIII веке не имело.

3. Самоубийство в памятниках VIII- X веков

В песнях “Собрания мириад листьев” (*Манъё:сю:*), созданного в VIII веке и включающего в себя стихотворения V-VIII вв., несколько раз встречается мотив любви двоих либо троих юношей к одной девушке, в результате которой девуш-

ка кончает с собой. Такова история девы Унаи (песни 1801-1803, 1809-1811), вероятно, о том же песня 1807 о деве из Мама в Кацусика. Наиболее подробно изложена история девушки Сакурако в предисловии к песням 3786-3787 [Маньёсю 1973, 65]. Сакурако была не в силах выдержать любовь двоих юношей и повесилась в лесу, а они после её самоубийства проливают кровавые слёзы и слагают стихи:

«В старину жила одна девушка. Звали ее Сакурако — “Дитя Вишни”, или “Вишенка”. И жили в ту пору двое отважных юношей. Оба они хотели взять ее в жены. И затеяли они спор не на жизнь, а на смерть и вызвали друг друга на смертный бой.

Девушка опечалилась и решила: “Ни в старину, ни теперь, никогда еще не слыхали и не видали, чтобы одна девушка была невестой в двух домах. Но трудно смирить сердца этих отважных юношей. А стоит мне умереть — и вражда их, наверно, исчезнет навеки». Подумала она так и вскоре ушла в лес и там повесилась. А двое отважных юношей, не в силах сдержать своего горя, лили кровавые слезы. И каждый из них сложил тогда песню и излил в ней все, что было у него на сердце”.

Почти теми же словами описана легенда о девушке Кадзураноко, которую любили трое юношей и которой посвящены песни 3788-3790 [Маньёсю 1973, 66]:

«Люди рассказывают: в старину жили трое отважных юношей. Одинаково добивались они взять себе в жены одну и ту же девушку. Опечалилась, видя это, девушка, и сказала себе: “Хрупкому телу одной девушки исчезнуть легко: оно — как роса; сердца же трех отважных юношей смирить трудно: они подобны скале”. Подумала она так, пошла к пруду и бросилась в воду. А отважные юноши были вне себя от горя, и каждый из них сложил песню и излил в ней все, что было у него на сердце».

Подобные эпизоды встречаются и в памятнике X века “Ямато-моногатари” — например, легенда о девушке из земли Цу, которую навещали двое юношей; её отец предложил юношам пустить стрелы в речную птицу. Один попал ей в голову, другой в хвост, и нельзя было рассудить, кто же победил. Не в силах отдать предпочтение кому-либо из них, девушка бросается в реку (дан 147). Присутствует там и отличный от других эпизод — молодая фрейлина утопилась в пруду от безответной любви к императору (дан 150).

В первой из дошедших до нас японских прозаических повестей-*моногатари*, “Повести о старике Такэтори”, созданной, вероятно, в конце IX или в первой половине X в., тоже использован сюжет любви нескольких мужчин к одной женщине. Старик, собирающий бамбук, находит в бамбуковом коленце маленькую девочку, которая вырастает красавицей, и к ней сватаются трое мужчин — принц, дайнагон и тюнагон. Девушка даёт им невыполнимые задания, они пытаются обмануть её, но их обман раскрывается, и она отказывает женихам. Потом её захотел увидеть император. Увидев, он захотел взять её в жёны и прислал воинов для охраны. Девушка же оказалась жительницей Луны, сосланной за какую-то провинность ненадолго на Землю; срок её ссылки истёк, и лунные жители прибывают за ней на “летучей колеснице”; воины внезапно засыпают, и посланцы с Луны забирают девушку домой.

В “Повести о старике Такэтори” девушка не убивает себя, но типологически сюжет повести обнаруживает сходство с более ранними эпизодами, описывающими сватовство двоих-троих юношей к одной девушке и её самоубийство.

Во всех примерах, которые мы привели выше, нравственная оценка поступков девушек отсутствует; их самоубийство показано как повод для сопереживания, сочувствия, грусти, и не является объектом осуждения либо одобрения.

4. “Повесть о Гэндзи” и “Повесть о Сагоромо”

Выше мы видели, что в первом памятнике жанра *моногатари* самоубийство девушки замещено её вознесением в лунный мир. Возможно, придворным периода Хэйан тема самоубийства казалась чересчур грубой, чтобы изображать её в изящной литературе, и эпизоды, в которых героиня близка к тому, чтобы наложить на себя руки, крайне редки. Первый такой эпизод мы видим в “Повести о Гэндзи” (ок. 1001 г.), в главе “Ладья на волнах”.

В девушку Укифунэ, побочную дочь Восьмого принца, которая провела детство в провинции на северо-востоке страны, влюбляется старший военачальник Каору (сын жены Гэндзи от придворного Касиваги, официально — сын Гэндзи). Внук Гэндзи, принц Ниоу, тоже воспылал к ней страстью, и Каору увозит девушку в г. Удзи недалеко от столицы. Ниоу, прознав, где Каору скрывает Укифунэ, под покровом ночи пробирается в дом, в темноте выдаёт себя за Каору и проводит с девушкой ночь. Укифунэ в растерянности не знает, как ей теперь поступить, и с каждым последующим посещением принца всё больше привязывается к нему. Не в силах расстаться с принцем и не имея возможности открыть свои чувства Каору, девушка решает броситься в реку Удзи. Она выходит на берег реки, но всё не решается осуществить задуманное, когда её находят проходившие мимо монахи и уводят с собой.

В этом эпизоде мы впервые видим оценочное суждение по отношению к самоубийству. После описания душевного состояния Укифунэ и её решения покончить с собой в авторской речи говорится: “На первый взгляд кроткая и послушная, девушка имела в душе своей довольно твердости, чтобы самостоятельно принимать столь важные решения. Возможно, это объяснялось тем, что она не получила воспитания, приличного девице из благородного семейства” ([Мурасаки 1993, 169-170]). Выражение, переведенное как “столь важные решения”, в оригинале выглядит как *сукоси одзукару бэки кото*, “то, чего следовало хоть немного утрашиться”. Поведение Укифунэ оценивается с точки зрения придворной аристократии как незнание хороших манер; автор оправдывает её тем, что она выросла в провинции, где научиться правилам поведения было невозможно. Здесь речь не идёт о нравственной стороне решения Укифунэ, и такая оценка носит скорее эстетический характер.

Подобный эпизод есть и в “Повести о Сагоромо”, написанной около середины XI в. Девушка Асукаи, отец которой служил на Кюсю, приехала в столицу и случайно встретила с блистательным молодым придворным Сагоромо — он спас её от домогательств некоего монаха. Сагоромо начинает её навещать, но не открывает ей своё имя, чтобы скрыть разницу в происхождении. Кормилица, живущая вместе с Асукай и опекающая её, беспокоится о её дальнейшей судьбе, не доверяет чувствам молодого повесы, который даже стыдится назвать своё имя, и сосватывает девушку без её ведома за Митинари, вассала Сагоромо. Кормилица обманом сажает её на корабль, на котором Митинари направляется к новому месту службы, а когда обман раскрывается, Асукай решает покончить с собой, бросившись в море. Находившийся поблизости в лодке монах увлекает её к себе в лодку, прежде чем она успевает броситься в волны. Этот монах оказывается её братом, от которого давно не было вестей.

“Повесть о Сагоромо”, как и многие другие повести-*моногатари*, создана под сильным влиянием “Повести о Гэндзи”, рассматривавшейся как лучшее произведение жанра и образец для подражания, и эпизод попытки самоубийства Асукай также

имеет большое сходство с историей Укифунэ. Оценки поведения Асукаи в данной повести мы не находим, однако же её провинциальное происхождение указывает на такое же незнание приличий, как и в случае Укифунэ. Читатели того времени были хорошо знакомы с “Повестью о Гэндзи”; можно с уверенностью говорить о том, что аналогия между образами девушек в обеих повестях была для них очевидной, и подробные разъяснения причин такого “неприличного” поведения не требовались.

5. Оценка самоубийства женщин в военных повестях

Первый эпизод, изображающий самоубийство женщины, встречается в “Сказании о земле Муцу”, описывающем ход Девятилетней войны на северо-востоке страны (1051-1062). Во время взятия государственными войсками под командованием Минамото-но Ёриэси крепостей Куриягава и Убадо [Японские сказания... 2012, 132-133] жена одного из мятежников, защищавших крепость, бросилась в воду:

«В крепости оставалось несколько десятков женщин, раздетых в шелка, как говорится — в парче и нефрите. Стенали и плакали они в дыму пожара. Их вытащили из крепости и раздали отличившимся воинам. Только жена Норитоо, когда крепость пала, держа на руках трёхлетнего сына, сказала мужу: “Ты вот-вот погибнешь. Я не смогу прожить без тебя. Уж лучше мне умереть первой!” И, прижав к груди сына, бросилась она в глубокий омут. Её можно назвать поистине верной женой!» (Сказание о земле Муцу “31. Жена Норитоо бросается в воду”)

Мы не можем сказать, какие именно побуждения заставили жену Норитоо покончить с собой, поскольку нам неизвестно, что могло ждать её в плену — новый брак или более незавидная участь. В других военных повестях мы иногда видим женщин, вышедших замуж повторно после поражения мужа в бою, но такие примеры бывали в междоусобных столкновениях между воинами западной части острова Хонсю, объединённых одной культурой и часто приходившихся роднёй друг другу. В Девятилетней же войне государственным войскам противостояли местные племена эмиси, и жёны их предводителей вряд ли могли ожидать хорошего отношения в плену.

Второй случай самоубийства женщины в военных повестях описан в “Повести о смуте годов Хогэн”. Жена одного из мятежников, Тамэеси, уехала в храм молиться за мужа, не зная ещё о его гибели, а тем временем вышел императорский приказ о казни всех сыновей Тамэеси. Пока жена Тамэеси была на богомолье, воины забрали из её дома троих малолетних детей и казнили их. Вернувшись, она узнала о смерти мужа и сыновей, собралась поехать на место казни детей, но не выдержала горя и по дороге бросилась в реку. Автор заключает этот эпизод такими словами: “Ещё на рассвете, когда направлялась молиться, и думать она не могла, что так всё обернётся, и сколько ни плачь, сколько ни кричи, ничему не поможешь. Немного таких женщин было и в старину, и в наши дни” [Японские сказания... 2012, 319].

В “Повести о доме Тайра” интересна глава, повествующая о гибели Кодзайсё, жены Тайра-но Митимори (см. Приложение²). Кодзайсё спасается бегством на корабле вместе с другими членами рода Тайра. Она беременна, и ждёт вестей от мужа

² Тексты “Повести о доме Тайра” подвергались многочисленным редакциям, и существующий русский перевод “Повести о доме Тайра” выполнен по довольно позднему варианту “Повести”, т. н. “Списку Какуити” (Какуитибон), — именно он наиболее известен широкому читателю в Японии. Здесь мы используем текст списка годов Энгё: (Энгё:бон), который, по мнению японских исследователей, представляет собой наиболее ранний вариант повести, а потому считаем необходимым привести свой перевод обсуждаемого в работе эпизода.

в надежде, что тому удалось спастись, но на её корабль прибывает один из воинов её мужа и сообщает о его смерти. Кодзайсё начинает тосковать и постоянно говорит о смерти. В конце концов, дождавшись, когда кормилица, опекавшая её, уснёт, она молится и бросается в море. Кто-то замечает, что с борта прыгнула женщина, Кодзайсё пытаются спасти, но, когда её находят среди волн, она уже едва дышит и вскорости умирает. Автор заключает: «И в старину, и в наши дни множество было таких, кто потеряли мужей, но обычно они меняли облик³. Уверен, что мало кто тут же бросался (в воду). Не было таких, кто бы не пролил слёз, увидев или услышав такое. Вот, говорят: “Верный вассал не служит другому господину, верная жена не выходит замуж за другого”. Истинно так» (см. [Энгёбон... 1965, св. 9 гл. 30]).

Данный эпизод примечателен тем, что при его подробном рассмотрении обнаруживается его несомненное сходство с описаниями Укифунэ и Асукаи.

Поводом к сравнению данного эпизода с аналогичной сценой из “Повести о Сагоромо” стало упоминание в “Повести о доме Тайра” страданий Асукаи. Перед тем, как броситься в море, Кодзайсё «достала “Сагоромо”, которого своей рукой переписал господин самми⁴, прочитала тот печальный эпизод, тихо произнесла имя будды Амида». Упоминание “Повести о Сагоромо” нам показалось не случайным, поиски “того печального эпизода” привели к Асукаи — и действительно, описания поведения Асукаи и Кодзайсё, окружающих их людей, предсмертных размышлений девушек очень похожи. И Асукаи, и Кодзайсё беременны; обе девушки в тоске не притрагиваются к пище и воде:

“Прошло пять дней, Асукаи не брала в рот даже воды...” (“Повесть о Сагоромо”)

“За эти четыре-пять дней не изволила она выпить даже тёплой воды, и твердила одно и то же...” (“Повесть о доме Тайра”)

Кормилица пытается отвлечь девушку от мрачных мыслей:

“Ты напрасно так себя изводишь. Женщинам в твоём положении нельзя так терзать себя печальными мыслями. Ты благополучно родишь ребёнка, будешь жить себе и снова встретишься с тем, кого не можешь забыть. Где ещё можно увидеть такое ребячество?” (“Повесть о Сагоромо”)

“Как бы ни было, пусть ваше тело примет обычный вид⁵, взрастите маленького ребёнка, и будете смотреть на него, как на прощальный дар того, кого уже нет...” (“Повесть о доме Тайра”)

Перед тем, как решиться на последний шаг, Асукаи рассматривает веер, на котором рукой Сагоромо были написаны стихи, а Кодзайсё читает “Повесть о Сагоромо”, переписанную рукой мужа:

«Она взяла в руки веер Сагоромо, который лежал у её изголовья. Грудь Асукаи пронзила боль, слёзы застилали ей глаза, и она не могла разобрать, что написано. Но когда она увидела знаки, начертанные Сагоромо как будто накануне, перед её глазами встал любимый облик, и она подумала: “В этом мире я его больше никогда не увижу. Он не знает, что я сейчас умру. Где он сейчас? Спит ли? Бодрствует ли? Вспомнит ли обо мне, когда проснётся?” — думала она в страшном смятении...» (“Повесть о Сагоромо”)

³ Т. е. принимали постриг.

⁴ “Самми” — название чиновников третьего ранга; в данном случае речь идёт о погибшем муже Кодзайсё, правителе земли Этидзэн Тайра-но Митимори.

⁵ То есть закончится срок беременности и родится ребёнок.

«Достала она “Сагоромо”, которого своей рукой переписал господин самми, прочитала тот печальный эпизод, тихо произнесла имя будды Амида» (“Повесть о доме Тайра”)

Воспользовавшись тем, что все спят, девушка идёт к борту корабля:

“Асукаи подняла голову и осмотрелась. Все спали. Она обрадовалась, что наконец-то получила возможность совершить то, что хотела” (“Повесть о Сагоромо”)

«(Кормилица) решила: “Наверное, она всё же передумала!” — и, успокоившись, немного вздремнула рядом. (Кодзайсё) легонько прошла к борту судна» (“Повесть о доме Тайра”)

Перед девушкой расстилается море, над ним светит луна:

“Оцепенев, она смотрела в открытое море. На безоблачном небе ярко сияла луна, далеко было видно одно-единственное судёнышко” (“Повесть о Сагоромо”)

“Над расстилающимся (перед ней) морем в дымке неясно виднелась луна” (“Повесть о доме Тайра”)

Доносятся звуки, навевающие печаль:

“неясно доносился грустный голос гребца: “Лодка плывёт по волнам в проливе Мусякэ...”” (“Повесть о Сагоромо”)

“крики куликов над отмелью в море, (плеск) катящихся по морю волн, далёкие крики гребцов навевали печаль и добавляли смятения её чувствам” (“Повесть о доме Тайра”)

Такое обилие сходных элементов в аналогичных сценах повествования говорит о прямом заимствовании, причём намеренном и не скрываемом, ведь в тексте упомянуто даже название повести, из которой сделано заимствование. Использование в тексте отсылок к одной из хэянанских повестей, а также наличие в тексте поэтических метафор, понятных аудитории, искусственной в старинной поэзии (“Ревущие врата земли Ава”, “оперение уток”), в свою очередь, свидетельствует, что “Повесть о доме Тайра”, или же данный вариант её, был написан для аудитории, способной оценить игру смыслов и изящество поэтических метафор, то есть для среды придворной аристократии. Впрочем, это побочный вывод данной работы, который может представлять интерес для исследователей происхождения и функционирования текстов военных повестей, а здесь мы говорим об отношении к самоубийству и отражении его в литературе.

Заимствования в повествовании о Кодзайсё не исчерпываются “Повестью о Сагоромо”, здесь видны также элементы, которые встречаются в сцене самоубийства жены Тамэси в “Повести о смуте годов Хогэн” [Японские сказания... 2012, 314-319]. Например, вот как уговаривают несчастную женщину:

«три кормилицы, две-три прислужницы, пятеро воинов, двенадцать носильщиков, семь или восемь слуг, все в один голос уговаривали: “Поистине велико ваше горе! В старину и ныне такое бывает. У кого-то умирают родители, у кого-то дети, кого-то смерть разлучает с мужем или женой — такое случается с каждым. Но нынче не бывает таких, кто решает принять смерть и кончает с собой из-за этого. В нынешнем сражении потерявшая мужа вдова господина Левого министра изволила принять постриг, но не убила себя. Были и другие, кто разлучились с живущими или же навсегда потеряли близких. Госпожа супруга младшего конюшего Тайра-но Тадамасы потеряла мужа и четверых

сыновей, стала монахиней, но не покончила с собой. У госпожи супруги Вступившего на Путь Ихиро из Левого привратной стражи погибли муж и трое детей, и она тоже не убила себя. Все они приняли постриг!” — так говорили они» (“Повесть о смуте годов Хогэн”)

(Кормилица) «говорила госпоже из Северных покоев (Кодзайсё): “Сейчас вы (уже) ничему не поможете, что бы ни делали. И случается такое не впервые, так что особой неожиданности в том нет. Кроме того, не с вами одной такое случилось. Госпожи из Северных покоев — жёны господина правителя Сацума, господина правителя Тадзима, господина правителя Вакаса, господина правителя Биттю — все они тоже стенают не без причины. Однако же все они сменили облик⁶ и молятся о следующей жизни (своих мужей), и никто из них не бросился (в воду). Вы непременно хотите последовать тем же путём, (которым ушёл ваш муж), но в перерождениях на Шести путях среди четырёх видов живых существ⁷ с какими страданиями вам придётся столкнуться!”» (“Повесть о доме Тайра”)

Сходно также описание поисков утопленницы и трудностей, сопутствующих поискам:

“из бывших там слуг никто не умел хорошо плавать, река в это время была полноводной, а то место — глубоким. Нашлось всего один-два таких, кто умел плавать; сколько раз ныряли они, чтоб достать утонувших, да у госпожи был камень за пазухой, и ещё две кормилицы вцепились в неё. Нырявшие сами чуть не погибли, а достать тех со дна не могли. Какое-то время спустя их всё же нашли, но было уже не помочь. Две или три стражи⁸ прошло, прежде чем их достали со дна, и спасти не смогли” (“Повесть о смуте годов Хогэн”)

«...попутное и встречное течения были быстры, всё, что плавает — утонет, а утонувшее унесёт потоком, такое было течение, волны катились одни вперёд, другие назад, даже “верхнее оперение уток” утонуло бы (там)... белизна одежд (Кодзайсё) смешивалась с белизной волн, время от времени она всплывала, но различить её (среди волн) было нельзя, и даже все, кто там были, не могли её спасти. Много позже, после многих попыток её вытащили, но она уж пребывала не в этом мире... Слабое дыхание ещё входило и выходило (из уст), но глаз она не открывала... Даже то слабое дыхание прервалось, и видевшие то люди отжимали рукава (от слёз)...» (“Повесть о доме Тайра”)

В конце эпизода авторы двух повестей заключают повествование так:

“Ещё на рассвете, когда направлялась молиться, и думать она не могла, что так всё обернётся, и сколько ни плачь, сколько ни кричи, ничему не поможешь. Немного таких женщин было и в старину, и в наши дни” (“Повесть о смуте годов Хогэн”)

«И в старину, и в наши дни множество было таких, кто потеряли мужей, но обычно они меняли облик. Уверен, что мало кто тут же бросался (в воду). Не

⁶ То есть приняли постриг.

⁷ “Шесть путей” — шесть миров буддийской космологии, включают в себя миры богов, асуров, людей, скотов, претов (голодных духов) и адские миры. “Четыре вида живых существ” — согласно буддийской классификации живых существ, среди них выделяют рождающихся из яйца (птицы), рождающихся из лона (слоны, лошади и т. п.), рождающихся из испарений (черви, насекомые) и саморождающихся (боги, обитатели ада и пр.). Подробнее см.: [Васубандху 2001, 193–194].

⁸ 4–6 часов.

было таких, кто бы не пролил слёз, увидев или услышав такое. Вот, говорят: “Верный вассал не служит другому господину, верная жена не выходит замуж за другого”. Истинно так» (“Повесть о доме Тайра”)

Исходя из такого сходства текстов, мы делаем вывод, что при создании данного эпизода “Повести о доме Тайра” автор, или авторы, знали и использовали “Повесть о Сагоромо” (которая, в свою очередь, была создана под сильным влиянием “Повести о Гэндзи”), и “Повесть о смуте годов Хогэн”. При широком использовании изобразительных средств хэйанских повестей, в оценке события было отдано предпочтение позитивному отношению к желанию женщины умереть после смерти мужа. Впрочем, эпизоды самоубийства женщин встречаются редко и в военных повестях, гораздо чаще “верными жёнами” называют женщин, не вступивших в новый брак после смерти мужа — например, в “Повести о Великом мире” (*Тайхэйки*). В XIII веке такое отношение к вдовам воинов закрепляется законодательно, им выплачивают пенсию лишь в том случае, если вдова не вступает в другой брак.

Заключение

Выше мы показали, каким образом менялось отношение к самоубийству женщин в литературе VII-XIII веков. В ранних памятниках (“Собрании мириад листьев”, “Ямато-моногатари”) оно не является объектом нравственной оценки; позднее, в хэйанских повестях, самоубийство показано как варварское поведение, простибельное для девушки из провинции, но неприемлемое в придворной среде. В военных повестях, где главными действующими лицами являются не придворные аристократы, а воины, самоубийство женщины получает позитивную оценку как крайнее доказательство её любви к погибшему мужу.

В начале статьи мы говорили о том, что нравственная оценка самоубийства определяется в том числе и новыми историческими явлениями, возникающими в процессе изменения общества. В Японии одним из таких явлений стало усиление военного сословия в X веке, которое привело к установлению сёгуната в 1192 г. С этого времени начинается длительный период доминирования военного сословия в политике страны, что не могло не привести к социокультурным изменениям, одним из примеров которых является изменение брачных обычаев и отношения к женщине, которое отражено в литературных памятниках той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Васубандху Энциклопедия Абхидхармы, или Абхидхармакоша. Раздел III Лока-нирдеша, или Учение о мире. Раздел IV Карма-нирдеша, или Учение о карме. / пер. с санскрита, введение, коммент. и реконструкция системы Е. П. Островской и В. И. Рудого. — М.: “Ладомир”, 2001.

Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / пер. с пали, предисл., исслед. и коммент. А. В. Парибка. — М.: Наука, 1989.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. — М.: Мысль, 1994.

Нихон сёки – Анналы Японии: в 2 т. / пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I-XVI. — СПб.: Гиперион, 1997.

Мурасаки Сикибу Повесть о Гэндзи. Кн. 1-4. Пер. с яп. — М.: Наука. Издательская фирма “Восточная литература”, 1993.

Повесть о Сагоромо. Повесть о Такамура. / Предисл., пер. с яп. и примеч. В. И. Сисаури. — М.: Наталис — Рипол классик, 2007.

Повесть о смуте годов Хэйдзи / пер. с яп., вступ. ст., коммент. и . исслед. В. А. Онищенко. – СПб.: Гиперион, 2011.

Повесть о старике Такэтори. / пер. с яп. В. Марковой // Классическая проза Дальнего Востока. – М.: “Художественная литература”, 1975. – С. 519-551.

Свод законов “Тайхорё”. 702–718 гг. I–XV законы. / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментарий К.А. Попова. – М.: Наука, 1985.

Свод законов “Тайхорё”. 702–718 гг. XVI–XXX законы. / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментарий К. А. Попова. – М.: Наука, 1985.

Манъёсю (Собрание мириад листьев). В 3 т. / Пер. А. Е. Глускиной. – М.: Наука (ГРВЛ), 1971–1973.

Энгё:бон Хэйкэ-моногатари (Список годов Энгё Повести о доме Тайра). Котэн кэнкю:кай (Общество исследования классической литературы), 1965.

Ямато-моногатари / Пер., иссл. и комм. Л. М. Ермаковой. – М.: Наука, 1982.

Японские сказания о войнах и мятежах. / пер. с яп., вступ. ст. и коммент. В. А. Онищенко. – СПб.: Гиперион, 2012.

Приложение. “Повесть о доме Тайра”, список годов Энгё: (Энгё:бон). Св. 9 “30. О том, как Митимори впервые встретился с Госпожой из Северных покоев, а также о том, как эта Госпожа из Северных покоев бросилась в воду”

“Если и останусь в этом мире, что я буду с собой делать? Чуть задремлю — вижу его во сне, проснусь — и вижу, как наяву. Думаю лишь о том, что уж лучше уйти к нему, стать соринкой на дне морском, пройти той же дорогой через Горы, ведущие к смерти, через реку Сандзу⁹...” – объясняла она (кормилице¹⁰), рассказывая о прошлом и рассуждая о будущем. “С недавних пор она только и делает, что плачет, ничего не ест, и так всё в подробностях излагает, что становится страшно. Верно, и вправду решила она уйти на дно морское” — страшилась та в душе и говорила госпоже из Северных покоев (Кодзайсё): “Сейчас вы (уже) ничему не поможете, что бы ни делали. И случается такое не впервые, так что особой неожиданности в том нет. Кроме того, не с вами одной такое случилось. Госпожи из Северных покоев – жёны господина правителя Сацума, господина правителя Тадзима, господина правителя Вакаса, господина правителя Биттю – все они тоже стенают не без причины. Однако же все они сменили облик и молятся о следующей жизни (своих мужей), и никто из них не бросился (в воду). Вы непременно хотите последовать тем же путём, (которым ушёл ваш муж), но в перерождениях на Шести путях среди четырёх видов живых существ с какими страданиями вам придётся столкнуться! И вряд ли вы встретитесь (там с ним). Как бы ни было, пусть ваше тело примет обычный вид, взрастите маленького ребёнка, и будете смотреть на него, как на прощальный дар того, кого уже нет...” – так по-разному уговаривала (она), всячески утешала, а та в ответ: “Я забеременела, а (он) вскорости погиб, провожу так дни и ночи на волнах, не гадала я, что будет овевать меня ветер с моря, – бывало ведь, что (в таких случаях) избавлялись от беспокойных дум (покончив с собой)... Тоскую по тому, кого давно знала, множатся мысли (о нём), и ни на миг не могу забыть. Нынче горько (вспоминать) те клятвы, данные

⁹ В народных представлениях о потустороннем мире путь умершего лежит через горы и реку Трёх Путей — Сандзу, на том берегу которой его поджидают Дацуэба – Старуха, отнимающая одежды, и Старик, подвешивающий одежды – Кэнъэо. Она срывает одежду с мертвеца, а он вешает одежду на ветвь дерева, по сгибанию ветви определяя тяжесть грехов покойного.

¹⁰ Здесь и далее в скобках – примечания переводчика.

при нашей первой встрече ночью во дворце, и я чувствую себя точно как найси-но ками Обородзукиё, (ждавшая) дайсё Гэндзи у галереи во дворце Кокидэн¹¹ — тихонько проговорила она. За эти четыре-пять дней не изволила она выпить даже тёплой воды, и твердила одно и то же... Достала она “Сагоромо”, которого своей рукой переписал господин самми, прочитала тот печальный эпизод, тихо произнесла имя будды Амида. (Кормилица) решила: “Наверное, она всё же передумала!” — и, успокоившись, немного вздремнула рядом. (Кодзайсё) легонько прошла к борту судна. Над расстилающимся (перед ней) морем в дымке неясно виднелась луна. Не очень было понятно, где же запад, оборотилась она к зубцам гор, (видневшимся) там, куда (должна) зайти луна, сложила (в молитве) ладони и произнесла имя будды. «Конечно же, в столице и знать не знают, что ныне пришёл мой последний час. Хотела бы я, чтобы хоть ветер донёс эту весть» — думала она, и крики куликов над отмелью в море, (плеск) катящихся по морю волн, далёкие крики гребцов навевали печаль и добавляли смятения её чувствам. И вот, произнесла она имя будды сто раз, помолилась: “Славься, исполненный великого сострадания и великой жалости Татхагата Амитабха, пребывающий в Краю вечной радости в западной стороне! Во исполнение обета, приведи в Чистую землю, дай любящим и разлучённым супругам (возродиться) в одном цветке лотоса!” — и бросилась в тысячесаженную пучину. Была середина ночи на пути из Итинотани в Ясиму, и все люди спали. Один из гребцов заметил её: “Что это? Женщина бросилась в воду!” — закричал он, кормилица перепугалась: “О горе, она это сделала!” — убивалась она, звала на помощь, но людей рядом не было, — “Эй, помогите!” — кричала она, но дело было в проливе “Ревущие врата” земли Ава — Ава-но наруто, там, где встречаются течения¹², попутное и встречное течения были быстры, всё, что плавает — утонет, а утонувшее унесёт потоком, такое было течение, волны катились одни вперёд, другие назад, даже “верхнее оперение уток¹³” утонуло бы (там). Корабль пустили плыть по воле волн, а тогда как раз луна скрывалась в дымке, белизна одежд (Кодзайсё) смешивалась с белизной волн, время от времени она всплывала, но различить её (среди волн) было нельзя, и даже все, кто там были, не могли её спасти. Много позже, после многих попыток её вытащили, но она уж пребывала не в этом мире... Слабое дыхание ещё входило и выходило (из уст), но глаз она не открывала... Даже то слабое дыхание прервалось, и видевшие то люди отжимали рукава (от слёз)... И в старину, и в наши дни множество было таких, кто потеряли мужей, но обычно они меняли облик. Уверен, что мало кто тут же бросался (в воду). Не было таких, кто бы не пролил слёз, увидев или услышав такое. Вот, говорят: “Верный вассал не служит другому господину, верная жена не выходит замуж за другого”. Истинно так.

¹¹ Ссылка на описание встреч принца Гэндзи и госпожи найси-но ками Обородзукиё из “Повести о Гэндзи”.

¹² Пролив между островами Авадзи и Сикоку, известный сильными морскими течениями.

¹³ “Верхнее оперение уток” в японской поэзии — метафора бренности, преходящего характера чувств. Утки хорошо плавают, поэтому упоминаются как иносказание “плывущего”, т. е. зыбкого, бренного мира. В данном же случае используется буквальный смысл выражения, указывающий на способность плавать и не тонуть, и вместе с тем метафорический смысл намекает на гибель Кодзайсё как проявление бренности существования.